

ЛИЧНОСТЬ И РОК

Владислав БАЧИНИН

НИЦШЕ-ДИНАМИТ И ПРЕДСМЕРТНЫЙ ТАНЕЦ БЕЛОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Я не человек, я динамит.
Фридрих Ницше

Время идет, но не могу забыть те два сюрприза, которые преподнесла наша нескучная жизнь в канун нового 2016 года. Один был сугубо философским, академическим, связанным с Фридрихом Ницше, а другой, как бы это помягче выразиться... Даже слова трудно подобрать... Одним словом, мир увидел под аспидным небом острова Врангеля поразительное, умопомрачительное, сотрясающее душу зрелище – предсмертный танец белой медведицы.

И вот каким-то странным образом оба эти феномена связались у меня в голове в одну цепочку. Откуда она взялась и почему возникла? Вот на эти вопросы я и хочу ответить прежде всего самому себе.

Ницше – в подарок!

Перед самым новым годом на парадной витрине сайта московского Института философии РАН засияло итоговое собрание из десяти публичных видеолекций

Владислав Аркадьевич Бачинин – доктор социологических наук, профессор, автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Энциклопедия философии и социологии права» (2006), «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (2015), «500 лет спустя. 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016). Живет в Санкт-Петербурге.

о философии Фридриха Ницше¹. Эдакая предпраздничная, почти подарочная интеллектуальная констелляция. Пир ума, праздник знаний и фейерверк красноречия! Беспрецедентное и впечатляющее зрелище, наводящее на некоторые размышления. Но прежде одно воспоминание.

Когда-то на заре туманной юности я, поступив на философский факультет ЛГУ, благополучно сдал свою первую зимнюю сессию. Предстояли каникулы. С чьей-то подсказки взял в студенческом профкоме льготную путевку в студенческий дом отдыха и отправился на 12 дней на Карельский перешеек.

Много там было всякого разного, веселого и забубенного, вплоть до драки с местными во время танцевального вечера, когда мне досталось на орехи. Но спокойные часы отдыха я проводил как истинный студент философского факультета — с привезенным с собой, позаимствованным у друзей, ветхим дореволюционным изданием «Антихристианина» Ф. Ницше. Я, как средневековый монах, трепетно переписывал этот ценнейший в тогдашних моих глазах раритет в толстую тетрадь. И нимало не подозревал, кого впускаю в свою душу вместе с «сумрачным германским гением».

А потом было долгое выздоравливание — изживание последствий ницшевского соблазна. Высвобождению помогли Достоевский и «Доктор Фаустус» Томаса Манна (его нередко называют романом о Ницше), а впоследствии Библия, ставшая настольной книгой в самом буквальном смысле.

Вспомнил я об этом, размышляя над причинами мощной демонстрации нашими академическими мэтрами своих ницшевских симпатий, от которых они, похоже, никогда не лечились и не собираются лечиться.

Мне понятны наивные увлечения желторотых студентов-гуманитариев красочными философами Ницше. Эта возрастная умственная хворь указывает на ориентационные сбои, возможные и даже неизбежные в пору духовного взросления и молодых духовных исканий. Будучи возрастными, эти увлечения чаще всего преходящи.

Мне понятно существование узких специалистов-профессионалов, углубленно исследующих ницшевский феномен. Они необходимы обществу почти в такой же степени, как, скажем, врачи-сифилитологи.

Но вот выбор именно Ницше для популяризации деятельности Института философии, целенаправленная раскрутка в публичном пространстве его наследия как масштабного *просветительского* проекта вызывает вопросы.

Когда-то наших профессиональных философов одолевала повальная любовь (правда, стимулируемая властными бичами) к наследию известных европейских интеллектуалов по имени Карл и Фридрих. Теперь остался только один Фридрих, без Карла, да и его как-то незаметно подменили на другого, к тому же очень больного и не слишком вменяемого. Но как от Фридриха Энгельса не получилось особого просветления в головах наших философских мэтров, так и от идей Фридриха Ницше просветления тоже не наблюдается.

Философский динамит

Френсис Бэкон в свое время мудро заметил: «Немного философии отвращает от религии. Более глубокая философия возвращает к религии». В сочинениях современных философов, превозносящих Ницше и дичащихся Бога, очень немно-

¹ См.: http://iph.ras.ru/anat_nietzsche.htm

го любви к мудрости и к свету, зато предостаточно тяготения к откровенным глупостям и настоящей тьме. Религиозность, которую Ницше гнал из своей философии в двери, проникла к нему через окно, явившись в темном обличье демоноидеи. И следует отдать ему должное: он с его склонностью к вызову, скандальности, эпатажу, готовностью к бесцеремонным, как у разъяренного лавочника, грубостям, умел плести тонкие интеллектуальные сети, помогающие ему улавливать и оболгать излишне доверчивых читателей.

Кто-то может возразить: «Позвольте, но чем же все-таки опасен Ницше?» Полагаю, что опасен он ровно тем же самым, чем когда-то Мефистофель оказался опасен для Фауста, то есть тем, что умеет мастерски проделывать с умами и душами людей. Этот гуманитарий-билингва, говорящий одновременно на языках философии и поэзии, опасен тем сладким ядом, что разлит в его элоквенциях. Он опасен своими текстами, идеями, афоризмами, этим ароматным чайным сбором, приправленным демоническим полонием, утоляющим умственную жажду и одновременно выжигающим в человеке его живую душу.

Философия Ницше разрушительна по своей сути. Она лишена созидательного потенциала, как лишена его взрывчатка. Природу философского таланта Ницше лучше всего передает его собственная афористичная автохарактеристика: «Я не человек, я динамит».

Могучий метафизический бретёр мечтал сокрушить Бога и учение Христа шквальным огнем своего зубодробительного богоборческого сарказма. Заодно он пытался взорвать и индивидуальный дух, служащий антропологическим мостиком к Богу. И действительно: если Бог уже «мертв», то зачем нужен мост, протянутый в пустоту?

Ницше — мастер-деструктор, чьи идеи оттачивают человеческий ум, как бритву, и одновременно рассверливают, разламывают на куски душу, принадлежащую тому же самому человеку. Философ аннигилировал весь ансамбль классических моделей человека и выставил на общее обозрение собственную, авторскую версию — человекообразную бестию, умное, сильное и злое животное, на лохматом загривке которого привязан декоративный бантик — высокий эстетический вкус.

В чем секрет привлекательности этой бестию с ее Пигмалоном и их мрачной и жестокой картиной мира? Почему вокруг них выются, как замороженные мотыльки, наши высоколобые академические симпатии, готовые днями напролет вещать о скромном и неотразимом обаянии своего кумира? Отчего их способность к духовному сопротивлению столь явно парализована его интеллектуальным высокомерием, надменными бравадами, приступами явно нездоровых и почти комических самовосхвалений? Отчего они не обладают духовным иммунитетом против смертоносных инфекций философского демонизма?

Может быть, оттого, что понимают, как тяжело тягаться с Ницше? Ведь с ним действительно почти невозможно спорить. Под его полемическими ударами трудно устоять, если не иметь под собой прочного основания. Нет, не философского и не научного основания, не тех хрупких конструкций, которые меняются во времени, являются относительными и потому ненадежными опорами. Основание должно быть сложено из гранита абсолютных критериев и смыслов, безусловных ценностей и норм. Таковыми в нашем мире, в нашей символической вселенной и культурной галактике располагает только библейско-христианская картина сущего и должно-го, только евангельская интеллектуальная традиция. Но секулярный философский разум ими пренебрегает. В результате его редкие и робкие попытки критиковать Ницше сметаются, подобно пушинкам, залпами ницшевских сокрушительных афоризмов, смываются потоками его буйного философского красноречия.

Лаконичное и вместе с тем точное пояснение этих сложностей с антинищенским сопротивлением дал Поль Рикёр, сказавший, что «только христианин может активно противостоять Ницше»². И нет причин не доверять этому тезису. Он все ставит на свои места и прямо указывает на источники сил и бессилия участников духовной войны с Ницше.

Тот, кто духовно разоружен и обессилен соблазнительными текстами злого гения, вероятно, каким-то шестым чувством ощущает свою слабость и несостоятельность и потому предпочитает не связываться с опасным противником, а добровольно пойти к нему в услужение. Те, кого чтение «Антихристианина» («Антихриста») и прочих богоборческих «шедевров» успело превратить в антихристиан, те, для кого Бог «мертв», Иисус не воскресал, а дух — фикция, с готовностью становятся его последователями и союзниками, явными или тайными ницшеанцами.

Умопомрачительный дискурс в роли медного быка

Ницше — это человек не только с гордым, надменным умом, но и с гигантским, глубочайшим и мрачнейшим подпольем внутри себя. Абсолютное большинство его текстов, мыслей, образов почерпнуты им из этой тьмы, кишасей демонами гордыни, высокомерия, мизантропии, агрессивности, злословия, тщеславия, ресентимента. О таких, как он, ветхозаветный пророк Аввакум сказал: «Надменный человек, как бродящее вино, не успокаивается, так что расширяет душу свою как ад, и как смерть он ненасытен» (Авв. 2, 5).

Чемпион философских боев без правил, Ницше — это вооруженный до зубов гуманитарный Голиаф духовной войны. Секулярным интеллектуалам не под силу сражаться с ним. Чувствуя мощь его тяжелого полемического вооружения, они, как правило, предпочитают поскорее оказаться в рядах его поклонников. Им проще и безопаснее расписывать достоинства его мышления, языка, стиля, аргументации, чем сражаться с легионами демонов, стерегущих смыслы умопомрачительных ницшевских текстов.

Слово «умопомрачительный» обладает в данном случае буквальным значением. Это показал и доказал сам автор собственной жизнью и судьбой. Дьявол сыграл с ним злую и устрашающую шутку. В сущности, повторилась давняя история из жизни одного древнегреческого изобретателя. Тот создал для своего правителя изощренное орудие казни — огромного медного быка. Казнь заключалась в том, чтобы поместить осужденного вовнутрь, а затем развести под медным брюхом быка большой костер. Весь фокус состоял в том, что пока несчастный заживо жарился, его крики, доносившиеся через открытую пасть монстра, должны были преобразовываться в громкое мычание и тем развлекать зрителей казни.

Заканчивается эта история довольно неожиданно. Очень неглупый правитель решил испытать новинку особым образом: по его приказу внутрь быка в качестве подопытной жертвы был помещен сам изобретатель.

Умопомрачительный, мизантропический и богоненавистнический дискурс Ницше стал для его создателя почти таким же медным быком. Философ, выстроивший богоборческую конструкцию, оказался внутри нее, стал первой жертвой собственного творения, пережил драму буквального умственного помрачения. Проповедник антропологического катастрофизма, пророк общей аномии сам стал их олицетворением и персональным воплощением. Темная сила, которую он взял

² П. Рикёр. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. С.172.

себе в поводири, предъявила ему сче т, потребовала расплаты и довела дело до логического конца. Инфернальный демон выгрыз у Ницше вначале его дух и душу, а напоследок и рассудок, оставив ему одну лишь убогую антропологическую оболочку бормочущего вздор безумца.

Философское фэнтези

Ницше, раскассировавший и лишивший творческих полномочий дух, изгнавший его за пределы собственного «я», сделал ставку на интеллект и воображение. Он сумел объединить их в единый инструмент — *интеллектуальное воображение*. С его помощью был создан мир философских фэнтези, живописующих нескончаемые подзвездные войны всех против всех — *bellum omnium contra omnes*.

На первый взгляд может показаться, что философские, интеллектуальные и эстетические фантазии Ницше не имеют границ. Но это не так: границы существуют, хотя больше напоминают потолок. Богатая фантазия, беспрепятственно разливающаяся по горизонтали и то и дело устремляющаяся в темные подполья, в инфернальные провалы демонического мира, совершенно бессильна там, где требуется движение ввысь. Она слишком тяжела, мрачна, мизантропична, и потому для нее недостижимы духовные выси запредельности Божьего мира. Она, будучи импульсивной, дерзкой, трансгрессивной, время от времени взмывает ввысь, но неизменно ударяется о невидимый предел, чтобы рухнуть вниз, в привычную профанную среду маленьких людей, пугливо мигающих своими маленькими глазками и жалобно повизгивающих под бичами самозванных сверхчеловеков.

«Веселая наука» и предновогодний танец белой медведицы

Однако вернусь к тому, с чего начал, — к экстраординарному событию конца 2015 года, когда наша веселая жизнь подбросила нашей не менее веселой философской науке до ужаса веселую, натуральную метафору игры со смертью. Весельчак-повар с острова Врангеля, эдакий ма-а-а-хонький сверхчеловечек, прикормил белую медведицу, а затем, шутки ради, подложил ей в еду дополнительное угощение в виде взрывчатки. Медведица, не подозревавшая ничего дурного, проглотила эту веселую начинку, а наблюдатели-весельчаки засняли все это на видео. А потом сотни тысяч людей по всему миру рыдали, видя предновогоднюю кадрили несчастной медведицы.

А теперь давайте представим: этот махонький сверхчеловечек получил большую, очень большую власть, а с нею и возможность засунуть очень много взрывчатки внутрь нашей планеты. И еще представим, что этот «джентльмен с неблагородной физиономией» обрел возможность понаблюдать откуда-нибудь с безопасного для него расстояния, допустим с Луны, за смертельным танцем Земли. И вот предположив это, зададимся вопросом: решился бы он реализовать эту возможность и осуществить свою сатанинскую галактическую авантюру? Лично я ох как боюсь, что он, предвкушая занятное зрелище, способен пойти на все это не моргнув глазом. Ведь не зря же легионы пишущих бесов, исповедующих заветы Заратустры, трудятся вот уже более сотни лет над своим мегапроектом под названием «Антропологическая катастрофа». Обильные продукты их трудов успешно обретают разнообразные антропологические формы — от моральных идиотов до моральных вурдалаков.

«Злое сокровище» ницшевской педагогики

Приведу высокоумный пассаж одной столично-академической философской дамы, большой поклонницы Ницше. В нем она вначале говорит о том, какими недалекими и консервативными были русские СМИ конца XIX столетия, негативно отнесшиеся к Ницше и называвшие его нигилистом, имморалистом и атеистом. Далее у нее идет речь о том, как правильно поступают все те, кто ценят германского витию. Ведь в основе его мирозерцания лежит «вера в абсолютные ценности духа... Ницше стал своеобразной «духовной скрепой»... Ницше будет работать изнутри. Недаром ведь сам Ницше называл себя динамитом». Тексты Ницше, продолжает она, высвобождают нас «из-под гнета авторитетов, задают смысловой вектор самозидания, помогают найти опору в самих себе»³.

М-да, когда читаешь про Ницше как «духовную скрепу», про его веру в «абсолютные ценности духа», то возникает впечатление, будто эти и им подобные дифирамбы несутся из некоего перевернутого, оруэлловского мира, где мизантропов именуют гуманистами, негодяев — героями, гробокопателей славят как жизнетворцев, упадок объявляют прогрессом, зло — благом, смерть — жизнью, растление — воспитанием, войну — миром, рабство — свободой, ну, и т. д.

Не демонстрируют ли при этом наши философские учителя нации крайне плачевное состояние своего интеллектуального инструментария и морального вооружения, в котором сбита вся оптика, расстроены все навигаторы, а все надежные оценочные критерии смыслов, ценностей и норм завалились за плинтус так, что их не достать.

Но позвольте, а что если «консерваторы» из русского Серебряного века были правы? Что если они не захотели принять извращенных критериев Ницше и называть больное здоровым, горькое сладким только потому, что имели здоровый философский вкус, еще не успевший испортиться под натиском лавины «развратительных идей» XX века?

А что если и Поль Рикёр прав? Может быть, фанаты Ницше потому и не могут достойно противостоять обольщениям философствующего люциферианца и судят о нем с такой самоуверенной и размашистой превратностью, что не являются христианами?

Когда они предлагают лечить современный кризис ценностей с помощью текстов Ницше, которые сами являются одиозными плодами глубочайшего кризиса ценностей, то подобный ход мысли напоминает совет из эпиграммы Томаса Мора, в которой дана рекомендация избавляться от запаха лука, пожевав зубчик чеснока.

Когда они, не скрывающие благодарных чувств к Ницше, ратующие за *ницшефикацию* если не всей страны, то всей культуры, утверждают, будто автор «Заратустры» помог русским интеллектуалам обрести свободу духа, то всех их хочется пригласить на выставку достижений и плодов этой свободы, ввести их в зал, над входом в который надпись «Антропологическая катастрофа». А там показать необозримое море экспонатов — жертв этой катастрофы, в том числе и шедевр поварского искусства, изготовленный врангелевской бестией, — живую медведицу, нафаршированную взрывчаткой. И если они не увидят цепочки причинно-следственной связи, ведущей от ницшевской модели имморальной свободы к современной антропологической катастрофе, то предложить им загрузиться на какой-нибудь «философский пароход» и уплыть куда-нибудь подальше, к чертовой бабушке, чтобы наши глаза их больше не видели, а уши не слышали.

³ См.: <http://theoryandpractice.ru/posts/9905-nietzsche-interview>

Если кто-то полагает, что подсюсюкивающая философская возня с наследием Ницше — это безобидная академическая игра в бисер, тот глубоко заблуждается. Это все равно, как если бы думать, что когда «злой человек из злого сокровища выносит злое» (Мф. 12, 36–37), то при этом вокруг него должны множиться высоко-нравственные плоды его инициатив в виде благоуханных цветов добра.

Да, Ницше — это неустрашимый факт мировой, европейской и российской интеллектуальной, культурной истории. Да, его идеи — это концентрированный, сильнодействующий, а для кого-то необоримый соблазн. Да, мы живем в условиях, когда «невозможно не прийти соблазнам» (Лк. 17, 1). Современная культура, мысль, философия переполнены ими. И проблема не только в этих философских соблазнах. Она еще и в людях, которым нравится быть их передатчиками, трансляторами, распространителями. Разумеется, они имеют право на свои особые философские вкусы, на свободу своих интеллектуальных предпочтений. Разумеется, им ничего не стоит отмахнуться от назойливых моралистов и увещателей, попрекающих их за ницшевские симпатии. Но есть слова, от которых так просто не отмахнешься. А если отмахнешься, то когда-нибудь об этом горько пожалеешь. Это слова Господа, всерьез предупреждающего тех, кто проталкивает темные соблазны в жизнь и искушает «малых сих»: «Но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17, 1).

На философствующих тьюторах, занимающихся распылением ницшевского соблазна в российской духовной атмосфере, лежит немалая доля ответственности за пролонгацию русской антропологической катастрофы из XX века в век XXI. Из этой бестиарной пылицы продолжают образовываться целые полчища врагов Божьих, для которых Бог мертв окончательно и бесповоротно, а дьявол жив, здравствует и принят в учителя и наставники.

Из этой пылицы образовался и врангелевский повар, одна из жертв все той же антропологической катастрофы. Жертва, способная и желающая играть роль палача. И хотим мы того или нет, но между философскими тьюторами и убийцей белой медведицы протягивается связь, сплетенная из тысячекратно опосредованных отношений безответственного подстрекательства.

Когда-то всем нам открыл глаза на природу таких связей автор «Братьев Карамазовых». Поэтому те, кому разговоры об этих связях покажутся голословными, пусть вспомнят слова, сказанные отцеубийцей Смердяковым своему духовному наставнику Ивану Карамазову: «Вы и убили-с!» И попробуйте возразить Достоевскому или отмахнуться от него.

Или вот еще одно красноречивое свидетельство из тех же «Братьев Карамазовых». Все тот же лакей Смердяков подучил мальчика Илюшу одной зверской штуке: скатать из хлебного мякиша плотный комок, запрятать внутри него иголку и бросить какой-нибудь голодной дворняге, из тех, что хватают куски на лету и проглатывают, не жуя. Илюша все так и сделал. А что из этого вышло, каждый, кто хотя бы раз прочел эту историю, уже никогда не сможет ее забыть.

Врангелевский повар оказался в данном случае только исполнителем. А его вдохновителями и наставниками были те, кто внушили ему идею того, что нравственные нормы — это «гнилые веревки», что раз Бога нет, то он сам — бог, или полубог, или четвертьбог, или на худой конец сверхчеловек, который «право имеет». При реализации ницшеанско-смердяковского сценария вместо стальной иголки использовалась взрывчатка, а роль дворняжки исполнила голодная медведица.

Конечно, этот сценарий не закачивался в голову врангелевского «бульонщика» напрямую по умственному трубопроводу, проложенному из Института философии РАН до острова Врангеля. В жизни все намного сложнее и опосредованнее. Но

если на будущем реальном или гипотетическом суде этот вурдалак скажет в адрес господ интеллектуалов, исповедующих и проповедующих идеи Ницше, что это они убийцы, поскольку научили его, а он лишь исполнил, то будет совершенно прав.

Философским мэтрам, кажется, совершенно невдомек, что упорно предлагать идеи Ницше в качестве «духовных скреп» народу, полностью растерявшему все ориентиры, заблудившемуся на исторических перепутьях, означает уподобить этот народ героям картины Брейгеля «Слепые». «Они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 14).

Что к этому добавить? А уже почти нечего, ибо поздно. Поздно, поскольку уже звонит колокол. И не надо спрашивать, по ком он звонит. Не стоит спрашивать, как выглядит антропологическая катастрофа. В интеллектуальном поднебесье наши философские учителя вывели своими стараниями одну из современных формул условий и предпосылок этой катастрофы: «Ницше — в подарок!», умолчав, однако, о возможных последствиях динамитной силы ницшевских идей, о их способности взрывать не только людей, но и зверей.

Эти идеи, предназначенные разрушать, не выглядят монстрами только потому, что облачены во вполне приличные интеллектуальные упаковки. Деструктивная, смертоносная начинка запрятана глубоко вовнутрь. Если вам приходилось, скажем, держать в руках ручную гранату, то она вряд ли вызывала у вас своим видом отвращение и ужас. Внешне она выглядит вполне приемлемо — эдакий металлический, аккуратненький, зелененький, гладенький лимончик, который при желании можно погладить или даже лизнуть языком. Но под этим покровом затаились смерть, кровь, оторванные конечности, развороченные человеческие внутренности и прочие ужасы.

Кто хотел бы, чтоб такие опасные для жизни предметы продавались в магазинах, лежали на полках, имелись у людей дома? Ах, вы не хотите! Но извините, уже поздно! Они уже с нами, вокруг нас, в наших домах и в нас самих. Если ружье, которое у Чехова висит на сцене в первом акте, обязательно выстрелит в третьем, то Ницше-динамит, которым кто-то старательно напичкивает нашу жизненную среду, тоже обладает аналогичными свойствами. Предназначение динамита — убивать. Цель динамита — смерть.

...И вспоминается реплика Пушкина: «Боже мой, как грустна наша Россия!» Получается, что чем веселее в ней жить, тем грустнее...